

Сергей
АКСЕНТЬЕВ
г. Севастополь

Как тайга превращается в пустыню

*В 1894 году, совершая неспешное плавание
с семьей по Северной Двине
на небольшой парусной барке-яхте,
Василий Васильевич Верещагин,
вникая во все подробности
жизни и быта поселенцев
придвинских деревень и городков,
обратил внимание
на хищническое изведение леса
на просторах Архангельской губернии.*

В своей книге «На Северной Двине. По деревянным церквям» (1895) внимательный наблюдатель Верещагин, в частности, писал: «Я познакомился тут с чиновником удельного ведомства, заправлявшим операцией рубки и сплава леса»¹. В разговоре тот сообщил некоторые нюансы этого призывного дела. Например, из сваленной лесины вырубается бревно длиной 10 аршин (7,12 м), все остальное бросается и гниет.

Вырубщику за такое бревно выплачивается 27 копеек. Семья (крепкий отец, три взрослых сына с лошадей), работающая зиму до марта на лесоповале, а потом сплавляющая лес, может заработать максимум 130-150 рублей при оговорённом в подряде минимуме 40-50 рублей. Плоты сплавляются по реке в Архангельск. Там меньшая часть древесины распиливается, а большая без обработки отправляется кругляком преимущественно в Лондон, частично в Голландию и Францию. При этом губернское казначейство под мизерные официальные проценты продает на корню русский лес зарубежным частным торговым домам, обосновавшимся в Архангельске.

«Лесные богатства казны и уделов, – сообщает Верещагин, – здесь еще велики, но в южной и юго-западной части Вологодской губернии, особенно по сплавным рекам, хороший лес уже повырублен. В Архангельской губернии есть лесничества в семь и более миллионов десятин, так что обыкновенно лесничий не знает, где начинаются и где кончаются его леса, рассчитывая лишь приблизительно, что владение его идет на сто верст в одну сторону и на полтора верст в другую.

Каждый год лесничий выдает известное количество билетов на право вывоза такого-то количества бревен, но, без всякого сомнения, вырубает и вывозят несравненно больше.

По приблизительному расчету беседовавшего со мной чиновника, вывозится в Архангельск и отпускается за границу в десять раз больше, чем значит по купленным правам. Оно и понятно: на громадное лесничество в несколько миллионов десятин полагаются, кроме лесничего, восемь служащих, объездчиков и сторожей, между которыми честных – в том смысле, как мы это слово понимаем – нет: сторожа из тех же крестьян.

– До досмотра ли, – сокрушается он, – когда в верстах 40 от Белой Слуды есть поселения, в которых из властей никто никогда не бывал. Знают, что живут там люди, но попасть не могут. Так как дорог нет, то летом проехать за глубокими болотами нельзя, а зимой тот же, например, лесничий хотел бы проехать, но никто не берется везти под предлогом, что не знают пути. В сущности же, конечно, из боязни обитателей этого медвежьего угла, исправно доставляющих подати, но ревниво охраняющих свои па-

лестины от присутствия фуражек с кокардами»².

Как удалось выяснить из разговоров с местными мужиками, жители этих поселков-невидимок, занимаясь звериным промыслом (белки, лисицы, куницы, медведи...), живут в достатке и довольстве, но проверить, сколько и какие у них леса, и сколько их самих, ещё не удалось никому. Уездное начальство, зная об этих «невидимках», их не беспокоит: полицию они не тревожат, все приказания исполняют, подати платят исправно, а сколько их там и как живут, это уж их дело...

* * *

Еще на один бич российских лесов – пожары – обратил внимание равнодушный и радетельный Василий Верещагин. Из Тоймы³ он сообщал: «Здесь в лесу удельного ведомства, как и в громадных казенных лесах на Пинеге, я дивился неряшливости и нерадению, с которыми охраняются лесные богатства. Случалось проезжать места на протяжении пятидесяти верст выгоревшего хорошего строевого леса! Видны были и тут и там немалые испорченные огнем пространства».

Пастух, подвернувшийся под руку, на вопрос: «Далеко ли прошел пожар?» отвечал, что верст на 10 в одну да верст на 15 в другую сторону. «И то сказать, – сокрушается радетель, – при 8 человеках сторожей и объездчиков на все лесничество кому выслеживать и тушить начало пожара? Пока дадут знать в ближнюю деревню и соберут народ, огонь успеет охватить такую площадь, что всех местных сил и средств не хватит, и пожар трещит, губит, пока не уткнется в болото или не пойдут дожди»⁴. Обгорелый же лес остается выгнивать и лишь в редких случаях продается по 40 копеек за кубическую сажень, да только его некому покупать...

От пристального взгляда Верещагина не укрылся и факт, что погибель леса от варварской неконтролируемой вырубки и пожаров зашла уже далеко. Это он подметил на качестве крестьянских построек. «Прежние огромные, двухэтажные, из толстого леса срубленные дома, приходя в ветхость, заменяются небольшими тесными постройками из тонкого леса. В старой избе восьмивершковый лес, а в новой пятивершковый, да и тот стоит недешево. За одно дерево с доставкой ныне берут копеек 25, это немало для здешних, искони богатых лесом краев»⁵.

* * *

Как рачительный хозяин, Василий Васильевич однажды заговорил с одним из местных губернаторов на тему осушки огромных пространств, занятых

болотами, для их рекультивации под пахотные земли, которых в этих краях так не хватает. На прямой вопрос: «Почему не осушают болота, чтобы расширить скудные наделы местного земледельства» собеседник после раздумья глубокомысленно заявил, что он боится, как бы не испортить от этого климат!!!

По возвращении в Москву Василий Васильевич обратился с письмом «Лесное хозяйство на Севере» в редакцию одного из крупнейших в ту пору массовых петербургских изданий «Новости и биржевая газета». В нем он, в частности, пишет: «Сдается мне, что указанные в циркуляре г. министра земледелия меры мало двинут вперед дело упорядочения распоряжений нашим лесным богатством, требующее не паллиативов (*полумер.* – *Авт.*), а радикальных улучшений. Не видно, что будет сделано для изменения условий, при которых количество леса, отпускаемого за границу через Архангельск, в 5-6 раз больше того, которое вырубается по официальным сведениям, выдаваемым от «казны» или «уделов» билетам? Что предпринимается против истребления лесных богатств с нынешнею поразительно быстротою?»⁶

* * *

Число лесопильных заводов в Архангельске все время возрастает, возмущается он, и если изведение леса будет продолжаться такими же темпами, то «через 20 лет на нашем Севере не будет больше хорошего леса близ сплавных рек, так как лес на Севере растет очень медленно. Некоторые волости Вологодской губернии отпускают по 40-50 тысяч бревен в лето; что же будет дальше?»⁷

Чтобы положить конец этому беспределу, он предлагает значительно увеличить пошлину за право вырубки, покончить, наконец, с невероятно варварским способом эксплуатации лесных богатств. «Во что бы то ни стало нужно прекратить безобразия, когда на сплав отправляется бревно в 10 аршин, а почти в два раза большая часть дерева остается гнить на месте! Нужно заставить покупателей оплачивать и увозить все дерево, а не только 10 аршин его»⁸.

Он также предлагает отказаться от долгосрочных сделок с фиксированной пошлиной, поскольку величина ее неуклонно год от года растет, а владелец-«долгосрочник» продолжает рубить лес по старой расценке, имея при этом себе хороший «навар», а казне одни убытки. Государству необходимо срочно принять меры, считает Верещагин, по борьбе с частыми невероятно опустошительными и нередко рукотворными пожарами и приводит пример Пинеги, где совсем недавний пожар в од-

ночасье уничтожил 50 верст отличного строевого леса. Виновники же, как всегда, остались ненайденными, да и то правда, искать-то их некому. Восемь служащих лесничества площадью в 7 миллионов десятин без всякой техники эту задачу решить не могут, а местные крестьяне не помощники, поскольку у всех у них в том имеется и своя корысть.

Обращая внимание высоких чиновников на ужасающее лесное бездорожье, Василий Васильевич призывает их прекратить, наконец, пафосные разговоры о прекрасных перспективах экономического развития Русского Севера, когда туда придет железная дорога. «Золотого века» не наступит с прокладкой железной дороги из Вологды в Архангельск, если не начать немедленно строить и улучшать местные дороги между деревнями и уездными городами. «Справедливо, – пишет он, – сравнить эти дороги с мелкими венами, неправильность функционирования которых ведет к расстройству всей системы кровообращения»⁹. В поддержку этого тезиса приводит пример из жизни, с которым сам лично столкнулся. Если в селе Верхняя Тойма на берегу Северной Двины пуд хлеба продавали за 65-70 копеек, то в 120 верстах оттуда на реке Пинега, где дороги так худы, что только за провоз туда хлеба «набрасывают» около 60% к стоимости того же самого пуда, что на Верхней Тойме. О каком же экономическом развитии Северного края можно вести речь, спрашивает Верещагин, при таких условиях и таком подходе к государственному делу?!

* * *

Минуло более века с поездки Верещагина по Северной Двине и публикации его статьи в «Новостях и биржевой газете» о плачевном состоянии лесного хозяйства на Русском Севере. Я, как и он, не специалист в области лесосохраны, но, как и он, равнодушен к тому, что происходит в России, где родился, вырос и живу, а Архангельск для меня не абстрактная географическая точка на карте.

Я побывал в этом городе в 2013 году. Побродил по набережной Северной Двины, полюбовался долгими незабываемыми северными закатами. Познакомился с городом и его окрестностями, посетил легендарный остров Мудьюг. Пообщался с архангелогородцами – добрыми, по-русски отзывчивыми и приветливыми людьми, и увез с собой непреходящее чувство недосказанной сказки об этом удивительном крае...

Много лет занимаясь поиском и изучением неведомых страниц жизни и творчества одного из выдающихся сынов России, я не мог оставить без внима-

ния верещагинскую эпопею поездки по Северной Двине. Но поставив последнюю точку в рассказе о лесном хозяйстве, с которым он детально ознакомился во время этих странствий, понял, что очерк не будет законченным без мостика, соединяющего то далекое время с нынешними реалиями.

* * *

И вот передо мной два свидетельства современников о нынешнем состоянии лесных богатств Архангельской области, о чем так ярко и искренне радел Василий Васильевич еще в 1894 году. Известный еженедельник «Аргументы и факты» в №30 от 25 июля 2018 года в статье с тревожным названием «Теряем богатство: в Архангельской области стремительно исчезают леса» уже в первых строках обзора сообщает, что за последние 17 лет Архангельская область устойчиво значится в числе «передовиков» по уничтожению леса!!! Далее приводятся знакомые с верещагинских времен факты. «В настоящее время разрешенные объемы рубки леса рассчитываются с огромным запасом «по старым и липовым данным» и завышены в три раза»¹⁰. Дальше – больше. Лесовосстановление, коим «должны заниматься пользователи леса во избежание экологической катастрофы», фактически сведено к формальным отчетам «в верха», и никто никаким лесовосстановлением в реалиях не занимается. Подтверждением тому служит убийственный по откровению ответ лесника корреспонденту, решившему поинтересоваться у стража лесов, как обстоят дела с этим вопросом. На что блюститель и радатель леса ничтоже сумняшеся отчеканил: «Так ведь лес сам растет»!!!

Вот другой материал на эту же тему, опубликованный 27 июля 2019 года в интернет-газете «Новые известия». Блогер Игорь Шпиленок сообщает своим читателям: «Побывал в междуречье Северной Двины и Пинеги» (*знакомый верещагинский маршрут. – Авт.*). «...Я догадывался, что остатки первозданной тайги на северо-западе нашей страны истребляются, но не думал, что столь стремительно и в таких масштабах, которые открылись мне в этой экспедиции». «...Идет небывалое в истории истребление северной тайги, основанное на самых современных технологиях. Вся территория Двинско-Пинежского лесного массива находится в аренде у крупных лесозаготовителей. Они охотно декларируют свою «экологичность» и даже добровольно сертифицировались, получив «зеленый пропуск» на зарубежные экологически чувствительные рынки»¹¹. В реалиях же на вырубленных территориях качественное лесовосстановление не проводится, на месте релик-

товых хвойных лесов вырастают березы и осины, а лесопромышленники продолжают свое движение в глубь первозданной северной тайги, словно она бесконечна. Организаторы лесного бизнеса, выставляя себя благодетелями лесного хозяйства, новыми технологиями ускоренными темпами изводят лучшие российские строевые леса. Так, всего один комплекс, состоящий из двух машин с английскими названиями харвестер и форвардер, может заменить более полусотни человек, работающих на лесозаготовке по традиционной технологии, а грузовые «мерседесы» и «вольво» за одну ходку вывозят по вагону кругляка¹². «Сейчас Россия прочно входит в тройку стран-лидеров по масштабам истребления первозданных лесов, а Архангельская область – лидер по истреблению таких лесов в России»¹³.

В начале нынешнего века, сообщает блогер, когда стало ясно, какая беда нависла над северной тайгой, природоохранные организации, ученые, общественность начали работу по созданию регионального ландшафтного заказника в междуречье Северной Двины и Пинеги. Были организованы несколько научных экспедиций для обследования территории, начались трудные переговоры с лесопромышленниками и властями. Создание заказника не раз откладывалось, а его площадь уменьшалась, против его создания велись информационные войны. В 2013 году проект заказника площадью почти 500 тысяч гектаров наконец получил одобрение государственной экспертизы. В 2017 году губернатор Архангельской области подтвердил, что заказнику быть. В 2018 году было достигнуто соглашение с арендаторами, приложившими все возможные усилия и меры, чтобы отвести границы заказника подальше от зон своих интересов¹⁴.

После долгих и жарких дебатов, бескомпромиссных обсуждений технических вопросов заинтересованных сторон (бизнеса, архангельского правительства и местных жителей) 1 октября 2019 года правительством Архангельской области после согласования с Министерством природных ресурсов РФ наконец было принято решение о создании государственного природного комплексного (ландшафтного) Двинско-Пинежского заказника, значительно сократившегося по площади¹⁵.

Дальнейшее существование и развитие заказника, соблюдение всех достигнутых договоренностей возможно только при честном и конструктивном сотрудничестве экологов, лесопромышленников и представителей региональной власти, что само по себе в нынешней беспринципной и переменчивой общественной и социальной среде задача, прямо скажем, не простая.

...И все же будем надеяться, что у нынешней архангельской власти хватит решимости, мужества и государственности не дать сойти в небытие этому проекту и порядок в криминализированном лесном хозяйстве наконец будет наведен. Сделать это составляют безальтернативные жизненные факты: либо страна станет по-настоящему могучей и самодостаточной, либо превратится в сырьевое гетто западных и восточных соседей. Третьего не дано...

Примечания

¹ Верещагин В.В. «На Северной Двине. По деревянным церквам» с фотографиями. III приложение к каталогу картин В.В. Верещагина. Изд. 2-е – М.: Типо-литография Т-ва И.Н.Кушнерев и К^о, 1896. С.23.

² Там же. С.24-26.

³ Верхняя Тойма – село в Архангельской области. До революции 1917 года здесь имелись: церковь, земская больница, церковно-приходская школа, двухклассное училище, дома волостного правления и сельского общества, 21 торговая лавка, два трактирных заведения, три чайные, три пекарни, квартира управляющего 10-м удельным имением, земского начальника 5-го участка, приставы 2-го стана, поповские дома, дом просвирниц, дома торговцев Мокеева, Фефилятьева, Шмониных и других. Село было местом ссылки неугодных царским властям лиц. Во время Гражданской войны на Севере России (1918–1920) Верхняя Тойма была центром руководства боевыми действиями и обслуживала фронт.

⁴ Верещагин В.В. «На Северной Двине. По деревянным церквам» с фотографиями. III приложение к каталогу картин В.В. Верещагина. Изд. 2-е – М.: Типо-литография Т-ва И.Н.Кушнерев и К^о, 1896. С. 72-73.

⁵ Там же. С.76.

⁶ Верещагин В.В. Лесное хозяйство на Севере (письмо в редакцию) – Новости и биржевая газета, изд. 1. 18 декабря 1894, №348. С.2.

⁷ Там же. С.2.

⁸ Там же. С.2.

⁹ Там же. С.2.

¹⁰ Емельянова Е. Теряем богатство: в Архангельской области стремительно исчезают леса. – «Аргументы и факты», №30. «АиФ в Архангельске» №30 от 25.07. 2018.

¹¹ Шпиленок И. Была тайга, стала тундра: архангельские леса вырубают с невиданной скоростью. – Новые известия, 27 июля 2019 г.

<https://newizv.ru/article/general/22-07-2019/byl-a-tayga-stala-pustynya-arhangel'skie-lesa-vyrubayu-t-s-nevidannoy-skorostyu>.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Постановление «О создании Двинско-Пинежского государственного природного комплексного (ландшафтного) заказника регионального значения». Правительство Архангельской области от 1 октября 2019 года N 531-пп

<http://docs.cntd.ru/document/462645353>

Сергей Терентьевич АКСЕНТЬЕВ

родился в 1940 году в Челябинске.

Кандидат технических наук, доцент.

Член Союза журналистов России,

действительный член Русского географического общества.

Автор более ста научных работ,

авторских свидетельств и патентов на изобретения,

восьми художественно-исторических книг.

Публиковался в журналах «Наука и жизнь»,

«Техника молодежи», «Наука и техника»,

«Наука и религия», «Север» и других.

